

Андрей. Василенко

Верочка

16+

Андрей Анатольевич Василенко

Верочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43317284

SelfPub; 2019

Аннотация

Обычный участковый инспектор попадает в необычную историю. События почти столетней давности переплетаются с современностью.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

«Что в имени тебе моем?»

А.С. Пушкин

1

Лето еще не перевалило через вершину, а жара стояла для наших широт необычайная. Город опустел наполовину. Все, кто имел возможность, брали отпуска и уезжали. Имеющие дачи – отсиживались на своих шести сотках. Остальные граждане просто старались не появляться на улице, спасаясь под офисными и домашними кондиционерами. Это сразу отразилось на автомобильных пробках. Нельзя сказать, что они вообще пропали, но все же стало гораздо легче.

Об этом думал Куликов, проезжая по улицам родного города в тот час, когда обычно это сделать без получасового простоя в пробках практически невозможно. Сегодня он пересек весь город, останавливаясь только в случаях, предусмотренных правилами дорожного движения: на светофорах, пешеходных переходах, в местах, где этого требовали знаки...

Куликов ехал на дачу. В один из многочисленных дачных поселков, кольцом обступивших город, прятавшихся от постороннего глаза в густой июльской зелени. Ехал он туда, к своему глубокому сожалению, не на отдых, а по самой что ни на есть служебной надобности. Дело в том, что Куликов работал в полиции. Уже восемь лет. Вначале это была милиция, но теперь, уже второй год, после спешно проведенной реформы, милиционеры стали называться полицейскими.

ми. Работал Куликов участковым инспектором, в чине капитана полиции. Конечно, сейчас не говорят «в чине...», сейчас в ходу слово «звание», но с некоторых пор Ковалев стал все чаще употреблять этот анахронизм, сам того не замечая. Хотя это будет позже.

Реформа органов внутренних дел сыграла злую шутку с бывшим шефом Куликова – майором Юрченко. Он не прошел переаттестацию, и автоматически был уволен из милиции... пардон, из полиции. Капитан Куликов занял его место и стал теперь уже старшим участковым инспектором полиции. Так что, через пару лет нашему капитану «грозило» майорское звание.

Руководящая должность – это большая ответственность. Не только за себя, но и за деятельность подчиненных. Пусть их не много, этих подчиненных, но все они офицеры, все с высшим образованием.

Однако, образование образованием, а опыт есть опыт. Вот и сейчас, Куликов оседлал своего «форда» и ехал к черту на кулички опрашивать свидетеля по делу, разбираться с которым поручено даже не ему лично, а одному из подчиненных ему инспекторов. Свидетель был важен. И от того, в каком ключе он даст показания, зависело:

1. загружать следственный отдел еще одним уголовным делом или нет;
2. «присесть» гражданину Сафонову на пару лет или нет;
3. пойдет ли кривая бытовой преступности на вверенной

территории вверх или нет.

Таких пунктов, при желании можно было бы придумать еще хоть десяток, но и этих трех Куликову хватило, чтобы взять инициативу в свои руки и лично опросить гражданина Алферова Сергея Федоровича, шестидесяти трех лет, пенсионера, дачника.

За кормой черного «форда-фокуса» давно остался выстроенный в девяностые контрольный пункт милиции, похожий на маленькую, но неприступную крепость. Ныне КПМ пустовал. То ли по причине локального сокращения штатов, то ли оттого, что московское направление трассы не сулило никакого криминала, являлось легитимным по умолчанию. С последней предпосылкой можно было спорить, но, как считал Куликов, не нужно. Он вообще предпочитал с начальством не спорить. Глупое это занятие. А свою правду отстоять есть множество способов.

Через пять километров от КПП, от трассы вправо спускалась неширокая, но асфальтированная дорога, снабженная указателем «Садовое общество «Речники». Без этой, требующей обновления таблички, нужный съезд с трассы найти было бы весьма затруднительно. Так думал Куликов, скатываясь по дорожке под сень огромных деревьев, среди которых он опознал по характерным листьям только акации и клены.

Через сотню метров нарисовалось красно-белое бревно шлагбаума, над которым несколько вызывающе выглядел огромный плакат «Добро пожаловать в «Речники!». Рядом притулился домик с мутным от пыли окошком. На стене домика большими красными буквами значилось «КПП». И на плакате и на стене угадывалась одна рука.

Куликов требовательно посигналил. Через минуту посигналил еще. Не дождавшись никого, уполномоченного командовать шлагбаумом, Куликов сам справился с нехитрым механизмом, поднял бело-красное бревно, заехал на территорию «Речников», привел шлагбаум в первоначальное положение и, не торопясь садиться в машину, задумался. От площадки КПП вправо и влево шла дорога, причем, на первый взгляд, совершенно лесная, так как никаких признаков цивилизации не наличествовало. Правда, перед Куликовым

стоял деревянный столб с поперечно прибитой, заостренной с обоих концов доской. И на правой и на левой стороне доски белой краской, насколько позволяло место, были вписаны названия улиц: Вишневая, Кленовая, Солнечная, Речная, и даже Интернациональная... Проблема была в том, что нужная Куликову улица Садовая в списке отсутствовала. То ли по незначительности своей, то ли просто места на доске не хватило.

На дверях будки с громким названием «КПП» висел непомерно большой, покрытый рыжим налетом ржавчины замок.

Убедившись, что навести справки по поводу улицы Садовой не представляется возможным, Куликов сел в машину и решительно тронулся, заворачивая влево. Через сотню метров стало понятно, что дачное общество «Речники» если не в агонизирующем состоянии, то весьма близко к тому. Только каждый третий участок выглядел более или менее цивилизованным, другие представляли крайнюю степень запущенности, были брошены и брошены давно. Это как-то не укладывалось в современные реалии, возвысившие любого рода недвижимость на уровень сверхчеловеческих ценностей. Прагматик Куликов не смог найти этому объяснения, но остался в убеждении, что у этого феномена есть простая и вполне реальная основа. Что-то типа болотистого грунта, или еще чего-нибудь.

Заброшенные участки, как было видно, дичали с неимоверной быстротой, зарастая так, что их невозможно было от-

личить от окружающего леса. Обжитые, даже не очень ухоженные делянки резко выделялись на их фоне. Возле одной из таких дач Куликов притормозил, так как увидел людей на участке. Хозяйка, удивительно похожая на мультяшную фрекен Бок, с удовольствием объяснила офицеру, что Садовая улица располагается прямо по курсу, метрах в пятистах, только по ней, по этой Садовой, он ни за что на своей иномарке не проедет. Он и дальше-то не проедет. От силы метров сто, а дальше, кроме как на тракторе или там джипе каком, проехать нельзя.

Вежливо поблагодарив дачницу, Куликов осторожно проехал эти самые сто метров и убедился в правоте словоохотливой тетки. Пришлось вернуться назад и просить фрекен Бок разрешения припарковаться возле ее участка, на часок не более. Тетка любезно согласилась, и Куликов, пикнув сигнализацией и прихватив из машины папку, продолжил свой путь пешим порядком.

Конечно, насчет тракторов и джипов – явное преувеличение. «Москвич 412», был когда-то такой у Куликова, запросто одолел бы эти буераки, но...

Так, размышляя о плюсах и минусах отечественного автотрома, Куликов добрел до дощечки с надписью «ул. Садовая». Дощечка была прибита к дереву, за которым действительно дорога ответвлялась вправо. Куликов с сожалением вспомнил об оставленной в машине, едва начатой двухлитровой бутылки Pepsi Light.

Жара стояла неимоверная. И это практически на лесной дороге! В гуще этой дикой зелени. От мысли, что творится сейчас на трассе, Куликов аж передернулся. Фуражка в качестве веера почти не помогала. Близлежащие кусты дрожали, подернутые тепловым маревом. Вблизи чернел низкий, но довольно широкий пенё с классическим оцепом, торчавшим вверх, как спинка кресла. Пень звал Куликова, приглашал его спрятаться, укрыться от зноя, пронизывающего листву, под низкий балдахин гигантского лопуха, выросшего здесь так кстати. Откуда-то из глубины сознания слышался Куликову слабый голос, повторяющий как заезженная пластинка: «... не садись на пенек... не садись на пенек...».

А Куликов сел! Да так ему стало хорошо. Такая живительная прохлада шла от лопуха, словно от сплит-системы.

Он даже не потянулся за скользнувшими на траву папкой с бумагами и мобильным телефоном. Так ему было хорошо. Так комфортно уперся оцеп в поясницу полицейского, нажал куда надо так, что расслабился Куликов, в сон его потянуло... Но усилием воли привел он себя в чувство, глубоко вздохнул, резко выдохнул, огляделся как будто бы не своими глазами и заметил перемену в освещении. Солнце уже вроде бы не так сильно палило. Отсюда не было видно, но, скорее всего, облака набежали. Более того, прохладой потянуло так ощутимо, знаете ли.

– Вот и ладушки, – вслух сказал полицейский, убежденный в том, что ни одна живая душа его не слышит.

Садовая улица чудила как могла. Мало того, что Куликову не встретилась еще ни одна обжитая дача, дорога стала так петлять, словно «серпантин» какой! Дорога становилась все уже, на ней следы колеи стали почти неразличимы, а громадные, с узловатыми стволами деревья опускали свои тяжелые ветви все ниже и ниже. Более того, Куликов отметил, что листья на деревьях в этом месте как-то измельчали, что ли. Со всем потемнело, вдали, будто бочки железные раскатились, длинно пророкотал гром.

Не успел Куликов порадоваться возможному долгожданному дождю, как впереди вдруг открылось свободное от леса пространство, отгороженное от дороги крепким, стилизованным под плетень, забором. Самое интересное, что и до-

рога-то никуда дальше не вела, и Куликов понял – он у цели.

Дача была старая, добротная, рубленая из толстых, почерневших уже и тем самым вызывающих к себе уважение, стволов. Располагалась она посреди участка в окружении крашенных охрой ульев. Их перед домом Куликов насчитал одиннадцать штук.

Для приличия крикнул:

– Хозяин! – И решительно, как и подобает представителю власти при исполнении, толкнул плетеную калитку на веревочных навесах. И тут же отпрянул – откуда ни возмись к калитке метнулась собакообразная тварь величиной с теленка.

Куликов отступил.

– Ты давай не шали, – стал он вполголоса уговаривать грозно рычащего и капающего длинной и вязкой слюной монстра, – на полицию нельзя рычать...

Как только озвучил Куликов эту непреложную истину, дверь дома приоткрылась, и оттуда высунулась благообразная физиономия пасечника-пенсионера, украшенная седоватой бородой.

– Сергей Федорович! – крикнул Куликов. – Успокойте псика, пожалуйста!

– Иду, иду, иду, иду! – елеино затараторил дачник и поспешил к калитке.

Теперь Куликов смог лучше его рассмотреть. Невысокого роста старик с обширной розовой лысиной, окруженной седыми волосами, переходящими в упомянутую уже бороду, а ля Шон Конери. Одет он был в выцветшую синюю рубаху без воротника на выпуск и в серо-черные в мелкую полоску штаны, закатанные до середины голени. Обувью дачник пренебрег.

– Иду, иду, иду, иду! – повторился пасечник. – Ну-тка, Шарик, брысь в будку. Виш, служивый, был махонький-махонький, ну как шарик лохматый, а вона какой вымахал...

Огромный Шарик, недовольно урча, скрылся в деревянном сооружении, только сейчас замеченном Куликовым. Старик ловко захлопнул за собакой дверцу, щелкнул щеколдой.

– От так вот, посиди тут малость.

– Капитан Куликов, Центральный РОВД, – представился офицер полиции. – Алферов? Сергей Федорович?

Старик будто бы и не слышал участкового. Лепетал что-то насчет самовара в хате, про чаек, про медок и еще какую-то чепуху, то и дело вставляя то «служилого», то «высокоблагородие». Ну ладно «служивый», но «высокоблагородие»-то причем? Куликов с грустью подумал, что трудно ему придется с этим глуховатым, да еще впадшим в маразм стариком. И еще похвалил себя за то, что сам лично решил взять показания у Алферова.

Тем временем Алферов семенящей, но скорой трусцой

вел гостя к дому. Приоткрыв дверь, не пропустил вперед Куликова, а первым юркнул в темный прохладный проем. Распрямившись, притолока была низковатая, Куликов почувствовал, что между лопаток ему уперся холодный металлический предмет, и насмешливый, не похожий на стариковский голос произнес:

– Не дергайся, офицерик. Руки в гору...

Где-то в полумраке мерзко захихикал дед.

«Влип, – подумал Куликов, – угораздило на блатхату нарваться».

Медленно-медленно поднял руки.

– А теперь, слышь, вашбродь, ну-ка повернись.

Куликов все также медленно выполнил команду. Перед ним стоял крепкий мужик, одних примерно с ним лет. В крайней степени небритости. Рыжеватая щетина не достигла еще статуса бороды, но уже перешла рамки всяких приличий. В руках мужчина держал винтовку, очень напоминавшую мосинскую, но без характерного выступа магазина перед спусковой скобой.

Мужик был бос, но подпоясан потертым кожаным снаряжением с множеством подсумков. Кроме всего прочего, из-за мощного его торса виднелось нечто, очень похожее на пистолетную кобуру непривычной формы из вытертой желтой кожи. Мужик глумливо скалился и водил стволом винтовки вдоль капитанова тела, словно выбирая, куда ему лучше вогнуть пулю.

Сзади чуть слышно скрипнули половицы. Кто-то подошел и начал ощупывать, обыскивать Куликова. Ловкие пальцы выудили служебное удостоверение из нагрудного кармана рубашки.

– Ты гляди, мандат, – раздался сзади совсем уж молодой голос.

– Читай, – велел невидимый Куликову коварный пасечник.

– Щас... ага! Старший участковый инспектор. Центральный ровд. Ага! Слышь, Михалыч, а что это – ровд?

– Потом скажу. Дальше читай.

– Ага... капитан полиции... ага... капитан... А погоны как у штабса... Непонятно...

– Дальше читай. Непонятно ему! Ты флотского лейтенанта видал? Нет? Так у того тоже погоны как у штабса.

– Так то ж флотские,.. а тут...

– Ты дальше читай!

– Читаю! Куликов Сергей Николаевич. Тут еще махонькими буквами... имеет право на ношение табельного оружия и специальных средств. Ага, право имеет, а оружиев-то нет! О как!

Все это было неправильно! Все это отдавало фальшью реконструкторского движения. Вот только уж слишком эти реконструкторы разошлись! Напасть на офицера полиции! «Ничего, – подумал Куликов, – отольются мышке...» Кстати, интересно, в кого они играют? В махновцев, что ли? В

принципе, это большого значения не имело. Куликов начал действовать.

Плавным движением, как на тренировке скользнул влево-вперед, уходя с линии огня. Одновременно, правой рукой захватил и потянул вправо ствол винтовки, а основанием ладони левой от души припечатал кадык громилы, не забыв провести подсечку левой ногой. Мгновенно винтовка оказалась в руках полицейского, еще до того, как грохнулось об пол грузное тело, Куликов развернулся и приложился прикладом в живот белобрысого низкорослого парня с кривым плаксивым ртом. Блондин согнулся пополам, в руке он все еще держал красную книжечку удостоверения.

В это время, череп участкового отозвался сухим треском хорошо высушенного березового полена, небо обрушилось на его голову, и наступила тьма.

Первым в сознание проник запах. Аромат мокрого старого дерева с еще угадываемым ароматом сосновой смолы, не до конца забитым запахом влажной пыли. Куликов ощутил под своей щекой лужу воды и гладкую доску пола. Издалека, из-за многих тысяч километров донеслось:

– Живой! Гляди, матушка Вера Дмитриевна, живой! Эвон щечкой дергает. Ты, Семен, с шайкой погодь. Убери шайку-то! Итак вон сырости развели... Иди, иди уже! Ох, олух... Прости, Господи!

Куликов попробовал открыть глаза. Вернее один глаз, тот, что сверху. Не получилось... Руки тоже не слушались... Впрочем, они могли быть связаны. А вот ноги... Ноги были свободны, но... тоже плохо подчинялись.

– Во-о-т! И ножками засучил вашбродь! Ну-ка, Семен, подсоби...

Сверху раздалось какое-то надсадное мычание вперемежку с хриплым кашлем. Куликов почувствовал, как огромные ладони вздернули его за подмышки. Через секунды он уже сидел на полу, привалившись спиной к какому-то ящику, или сундуку. Левый глаз так и не открывался, но правый удалось разлепить.

Куликов увидел довольно большую комнату, судя по всему, все в том же доме. У стен стояли массивные широкие

лавки, между ними – кустарно сработанный буфет с витражными дверками и белыми кружевными салфетками. На стенах – лубочные картинки в желтоватой гамме и что-то вроде большого календаря в том же стиле.

У невеликого окна стоял крепкий стол под кремовой скатертью. За столом, на стуле с гнутой спинкой, нога за ногу сидела девушка со скучающим лицом. Куликова поразила правильность этого лица, его академическая красота. Несколько странно выглядели глаза, настоящие бесовские, искрящиеся изумрудом, больше подходящие... Куликов даже не смог объяснить себе, кому могли бы принадлежать такие глаза.

Чувствовалось, что девушка, почти девочка, была очень молода, но, в то же время, всеми силами пыталась казаться старше, взрослее. Этому несколько способствовал наряд красавицы, более чем странный. На черные кавалерийские галифе были натянуты бутыльно-ровные хромовые сапожки, сработанные явно на заказ. Над галифе виднелась белоснежная блузка с кружевным воротничком, перехваченным вместо галстука черным шнурком. Сверху имелся изящный приталенный короткий жакет в серо-черную клетку. Густые, очень темные волосы в форме «каре» венчала кепка той же расцветки, что и жакет, большая, с ушами, той модели, что предпочитал незабвенный инспектор Лестрейд из отечественного сериала о Шерлоке Холмсе. Руки обтягивали перчатки жемчужно-серой лайки. В руках девочка лениво крутила крохотный пистолет. В другое время и в другом месте

Куликов принял бы его за зажигалку. Но сейчас...

Рядом со столом, слегка изогнувшись в услужливой позе, стоял коварный дед-пасечник.

– Вот, матушка Вера Дмитриевна, от такой вот сегодня улов. Цельный капитан, правда, с погонами штабса... так что нам погоны? Был бы человек хороший...

– Вы кто? – Голос у девочки был низкий, с чуть заметной нарочитой хрипотцой. – Почему вы здесь? Почему один? Без оружия...

– Столько... вопросов... – язык с трудом ворочался во рту, задевая осколки зубов и царапаясь до крови.

– А я не спешу, – успокоила Вера Дмитриевна, – время есть. Пока.

Куликов не видел смысла изображать партизана на допросе. В конце концов, в ходе беседы должно хоть что-то проясниться.

– Куликов Сергей Николаевич...

– Ну, это понятно. Это здесь написано... Старший участковый инспектор и так далее. А вот что такое РОВД?

– Районный отдел внутренних дел...

– Ага... А район, стало быть, Центральный? Что-то в первый раз такое... Понавыдумывали новшеств... Названия, должности... Конечно, революция... и все такое...

Она щелкнула пальцами.

Куликову не было видно с его места поверхности стола, только вдруг возник над столом, после щелчка девчонки,

цветастый картонный прямоугольник.

Девочка, не расставаясь со скучающе-кислой физиономией, вытащила из-под картонки длинную папиросу.

– Курите?

– Нет, благодарю...

– А я вот, балуюсь... иногда.

«То-то и оно, что в твоём возрасте только балуются» – подумал Куликов.

Пистолетик-таки оказался зажигалкой, что немало успокоило участкового. Он уже не вздрагивал каждый раз, когда девочка, забавляясь, роняла игрушку на стол.

Она затянулась и выпустила вверх тонкую струю дыма, проследила, когда сизое облачко растает, и только потом обратила внимание на пленника.

– Ну, так кто же вы все-таки, мон ами? Мандат... – она брезгливо, двумя пальцами приподняла со стола красную книжицу и уронила ее тут же. – Мандат – это хорошо. Вот только в наше развеселое время столько их развелось. Каждый, кому не лень, мастерит в свое удовольствие... Некоторые вон даже ассигнации свои вводят. Именные, так сказать. Мне вон тоже предлагали... Да только что, дура я, что ли?

Где-то захихикал подлый дед-пасечник. Угодливо-гаденько так...

Девочка вновь затянулась, но в этот раз мастерски пустила дым кольцами. Вдруг, резко обернувшись к участковому, заорала на него:

– Кто послал, сука?! Кто?!

Куликов, видимо, должен был испугаться от такой смены эмоций, однако, он только утвердился в мысли, что имеет дело с ребенком-психопатом. Поэтому он как можно спокойнее, но, в то же время, строго произнес:

– Девочка, а тебя никто никогда не учил, как разговаривать со старшими? Или родители задницу мало пороли? Или...

Только что в руках у нее ничего, кроме папиросы, не было, и вдруг, откуда ни возьмись, появился здоровенный револьвер. Самого, что ни на есть всамделишного облика. Молча она навела его на участкового. Куликова прошиб холодный пот. Психопатка! Он зажмурился, как только загрохотали выстрелы. Почти в упор! Все шесть пуль мерзавка вогнула в сундук, расположив их вокруг куликовской головы. Когда понял, что стрельбы больше не будет – открыл глаза. Комнату заволакивал белесый вонючий дым. Мерзкий пасечник трясся от беззвучного смеха.

– Ой, матушка, Вера Дмитриевна! Ой, утомила! Что, ваш-бродь, спужалси?

– Изыди, – процедила сквозь зубы Вера, – нет, стой. Скажи Семену, пусть капитана в погреб определит. Не досуг мне беседы беседовать...

Она картинно зевнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.